

30 ДНЕЙ ИНДИИ

Литературный конкурс
«Книготерапия»

Победитель
в номинации
Крупная проза

Литрес

СТАНИСЛАВ ГУСЕВ

Станислав Гусев

30 дней Индии

«Автор»

2020

Гусев С.

30 дней Индии / С. Гусев — «Автор», 2020

Билеты в Дели может купить каждый, а вот путевку в глубины своей души - нет. Это простая, настоящая, честная история человека, путешествующего по удивительной Индии, которая стала для него подходящим местом для самокопания. Уже с первых страниц ты находишь в главном герое доброго друга. Вы вместе 30 дней путешествуете по магической стране и лабиринтам своего мира, ведя увлекательный диалог с внутренним голосом. Вы удивляетесь неповторимому колориту Индии, пробуете острую еду, преодолеваете трудности, ищите себя, любуетесь закатами, знакомитесь с потрясающими людьми, рассуждаете об одиночестве, находите ответы на важные вопросы. Вы вместе ищите счастье. А ведь ни к счастью ли стремится каждый из нас? Ни это ли самое главное?

© Гусев С., 2020

© Автор, 2020

Содержание

I. Начало	5
Устал	5
2 декабря	5
3 декабря	5
2 января	6
9 января	7
11 января	7
13 января	8
II. Дели	11
Проверка на прочность	11
День 1	11
День 2	16
День 3	17
День 4	19
III. Джайпур	21
Там, где меня любят	21
День 5	27
День 6	32
IV. Пушкар	33
Идеальное место	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Станислав Гусев

30 дней Индии

I. Начало

Устал

2 декабря

Я устал. Серая промозглая зима меня всегда выматывала, пожирая силы и настроение. Она тянулась мучительно долго, пробирая холодом до костей. Свинцовые тучи тяжело и низко проплывали за окном, казалось, еще чуть-чуть – и они будут задевать крыши домов и верхушки голых деревьев. Серость овладела городом, а на мониторе компьютера красовались солнечные пейзажи далекой и загадочной Индии. Давно мне хотелось посетить эту страну, но я все ждал подходящего случая, раз за разом откладывая путешествие.

Два года я уже жил в собственной квартире, не имея стиральной машины и шкафа для одежды, а незастекленный балкон – будущий кабинет – тоскливо ждал своего часа. Сквозь щели его тонкой дверцы внутрь просачивалась зима. Зато я посетил десятки стран, оставив вопрос с благоустройством жилья открытым. Хотя эти теплые воспоминания о странах и приключениях согревали душу. Однако мой рациональный внутренний голос категорически был не согласен с выбором приоритетов.

Я жил один, работал фотографом-фрилансером и большую часть времени проводил в одиночестве. Когда много времени проводишь с самим собой, то учишься наблюдать. Оказывается, у тишины есть звук – еле уловимый, слегка вибрирующий звон. Когда фокус внимания отворачивается от внешнего мира, он неминуемо обращается к миру внутреннему. Голоса извне приглушаются, а собственный звучит отчетливее и громче. И мой мне укоризненно твердил: «Хватит. Пора взяться за ум и начать жить как нормальные люди. Или тебе нравится так? Знаю-знаю, творец должен страдать, а художник – голодать... Но сейчас не XIX век, и ты не Гоген. Тебе не надоело стирать вещи руками или таскать их к маме? А где шкаф? Вещи просто разбросаны в углу. Творческая энтропия – это не смешно. Твой креатив здесь неуместен, это всего лишь куча вещей. Бардак! Тебе уже не двадцать лет, а тридцать один, между прочим. Возьмись наконец за ум. И хватит мерить бытовую технику билетами на самолет».

Согласившись, я вздохнул, закрыл вкладку с видами Индии и перешел к работе над фотографиями. Не выходило. Бросил. Встал, приготовил чай. Отмерил кухню шагами, сел. Набрал в Интернете фразу: «Как найти в себе силы, если все надоело». Открыл статью о позитивном мышлении и поиске положительных моментов в любой ситуации. «Попробуй, и твоя жизнь уже не будет прежней!» – говорилось в конце. Почему-то по прочтении возникло смутное ощущение, что мне хотят продать пылесос за двести тысяч или всучить кредит.

3 декабря

Утром открыл глаза, ощущая себя уже уставшим, будто всю ночь разгружал вагоны. Тяжелой рукой нащупал телефон, вяло пролистнул ленту новостей в соцсетях. Вспомнил с надеждой о вчерашней статье и снова окунулся в чтение. Там на фотографиях люди с пля-

жей Бали, Таиланда, Гоа улыбались и радостно махали ладонями в камеру, посылая всем лучи добра. «Улыбнись новому дню, наслаждайся жизнью», – твердили они.

«Ну, у меня не убудет, а вдруг поможет?» – подумал я и перешел к рекомендациям. Включил медитативную мелодию для усиления эффекта. Под успокаивающие звуки, похрустывая суставами, я встал и направился к окну с серьезным намерением наслаждаться новым днем. Торжественно распахнул шторы, открыл окно, наигранно улыбнулся.

Серые тучи нависали над городом. Массивные трубы ТЭЦ выпускали клубы грязно-белого дыма. В небе волнами проплывали стаи черных птиц. «Так, спокойно. Просто надо расслабиться и почувствовать энергию дня», – сказал я себе и сделал мелодию немного громче.

Внизу на перекрестке мужчина из иномарки кричал водителю «газели»: «Ты debil, что ли? Скока раз тебе повторять, у меня главная! Если ты щас меня не выпустишь, я тебе еб***ник набью!» В стороне нервно сигнажила третья машина, дополняя общий гомон. Стараясь оставаться невозмутимым, я продолжал. Попытался вдохнуть свежий воздух заложенным носом – тщетно. В горле саднило. Мантра явно не складывалась, но я не сдавался, пытаюсь расслабиться и прочувствовать магию утра. Натянул на лицо кривую улыбку. Начал наигранно приговаривать: «Привет, новый день. Сколько всего интересного меня сегодня ждет». Машина внизу все сигнажила. Водитель «газели» кричал в ответ: «Ты че так базаришь?! А ну-ка, бл*дь, выйди!»

Да кого я обманываю? Ну какой тут позитив? Даже вороны – и те улетают подальше отсюда. Вокруг серый пейзаж, ненавистная зима, промозглый холодный ветер, слякоть и грязь, голые тоскливые деревья, угрюмые лица прохожих, насморк, горло, шарф, подштанники и меланхолия. Легко говорить «улыбайтесь новому дню», лежа на берегу моря в Таиланде и попивая манговый коктейль. А вы попробуйте это искренне сказать, проснувшись холодным декабрьским утром в Краснодаре. Закончив экспрессивный монолог, я молча закрыл окно, решительно подошел к компьютеру и купил билеты в Индию.

2 января

Холодно... Снаружи и внутри. Настроение – серый январь. Я вернулся в город после рабочей поездки на берега Черного моря и, ожидая на конечной остановке свой трамвай, смотрел по сторонам. Краснодар, отходивший от празднований, выглядел удручающе. Вокруг ни снега, ни зелени, ни людей. Тоскливо-пустующая остановка, ломкие ветки голых деревьев, синие от холода пальцы и туманная пелена, окутавшая все пространство. Краски стерты, всеобъемлющая серость. Краснодарская зима лишена живописных картинок и снежного волшебства, она унылая, вязкая, блеклая.

Прибыл трясущийся трамвай. Усталый кондуктор лениво почесывал ногу в пустом вагоне. Я подошел, протянул карту для оплаты проезда. Пропищал аппарат. Крупная волосатая рука оторвала билет и протянула мне. Сел. Звонко и раздражающе стучали колеса. За окном был тоскливый пейзаж. Молча стоял мрачный завод им. Седина. Одинаковые остановки сменяли друг друга. В трамвай заходили хмурые пассажиры в черных и серых куртках, опускались на жесткие холодные сидения. Уровень серотонина стремился к нулевому меридиану. Голод, холод, насморк. Между моих ботинок и серых штанов виднелась полоска ярко-синих, с веселыми оленями носков, подаренных подругой. Красочный кусочек радостной жизни в густой серости будней – напоминание о некогда волшебном празднике.

– Э-э-э! Слышь! – раздался чей-то заплетающийся голос позади.

Я обернулся. На меня смотрел хмельной мужчина с криво натянутой на потную голову шапкой.

– Это вы мне? – спросил я.

– Да.

– Что хотели?

- С Новым годом! – протянул он, будто бы не поздравляет, а предъявляет.
- И вас, – сухо ответил я.
- Спасибо, – сказал мужчина и нелепо засмеялся. – Гы-гы.

Я уперся головой в мутное стекло и гонял мысли. Через пару недель мне предстояло новое путешествие. И ведь уже давно я хотел отправиться в Индию. Она манила меня с фотографий, видеороликов в Интернете своей самобытностью, колоритом и душевным преображением, о котором так упоительно рассказывали побывавшие там люди. А одно только название «Тадж-Махал» пробуждало внутри непонятный, но глубокий трепет. И вроде бы желание исполнялось, ведь билеты были куплены, но накопившаяся усталость тяготила и убивала энтузиазм.

Ну почему все так? Я устал испытывать внутри себя странную потребность бежать и делать, не особенно понимая, куда, что, а главное, для чего. Но отчего-то продолжал слепо следовать этой неведомой тяге, которая таилась в недрах моего внутреннего мира и высасывала все силы.

9 января

Белый свет плафонов в ванной ослеплял уставшие глаза. Стрелки часов перевалили за час ночи. Утром мне предстояла важная съемка, перед которой необходимо было постирать парадные брюки и рубашку. Я стоял в ванной, лениво тер намыленную одежду о ладони и думал: «А нужно ли мне это путешествие? Тем более индийское посольство тянет с выдачей визы. Вот стиральная машинка мне нужна точно». Усложнял ситуацию мой максимализм. Я был не согласен на дешевые аналоги, а цена хорошей машинки ровнялась двухнедельному бюджету в Индии. И в условиях ограниченной суммы надо было выбирать.

Сквозняк тоскливо завывал в окнах. Меланхолия сковывала движения, мысли, желания. Гидрометцентр предупреждал об аномальных холодах в Дели, сообщалось об отмене рейсов из-за сильных туманов. В новостях передавали о внутренних столкновениях, готовящихся терактах в Индии на почве новых законов об ущемлении мусульманского населения. Блогеры рассказывали, что Индия – это непростая страна, а где-то даже и ужасная. И мой внутренний голос твердил: «Сейчас не лучшее время для поездки. Посмотри, что пишут: “аномальный холод”, “теракты”, “антисанитария”, “болезни”, “грязь”. У тебя еще есть время вернуть билеты и спокойно решить домашние проблемы, чтоб жить в комфорте, как нормальные люди». Я было задумался: «А может, мой голос и прав...»

11 января

Вечера зимой приходят рано, отчего возникает тоскливое чувство, будто зима крадет у нас жизнь. Я сидел на темной кухне за черным столом, под разливающимся желтым светом подвесной лампы, пил чай и смотрел в стену. Хотелось выть, кричать от внутренней боли, рыдать навзрыд, не понимая, из-за чего, а просто так, самозабвенно. Я надрывал жилы, стискивал зубы, кроша эмаль, тужился, пытался, но никак не выходило. Эмоции были, но где-то в глубине, будто запертые в темном погребке. Томясь там, они периодически пробивались на поверхность сквозь толстые стены, мощные двери и громоздкие рамки, напоминая о себе внутренним холодом и душевной болью.

Последние несколько месяцев я активно работал, не жалея сил, чтоб рассчитаться с долгами, оплатить ипотеку, коммуналку за несколько месяцев вперед и заработать на путешествие в долгожданную Индию. Все получилось, но какой ценой?! Когда дата вылета была совсем близко, желание лететь совершенно пропало. Я так устал, что вообще не знал, чего мне хоте-

лось. Наверное, просто отдохнуть от всего. Не думать, не бежать, а жить, чувствовать спокойствие и радость. Но как? Вроде бы так просто, но нет... С этим у меня проблемы.

Тонким болезненным криком где-то внутри проявлялась потребность в разговоре, душевной близости. Вообще, у меня было много друзей, но, пролистав контакты телефона несколько раз, я не нашел ни одного, с кем бы хотелось поговорить, кто бы мог меня понять.

«Ты сам виноват. То, что ты имеешь сегодня, создал только ты. И если что-то не устраивает, в этом некого винить, кроме себя самого. Ты – творец своей жизни», – властно и укоризненно говорил мой внутренний голос. Что-то острое кольнуло в груди и спицей воткнулось в сердце. Я резко почувствовал себя совершенно одиноким, маленьким слабым человечком, уплывающим на лодке от шумного берега в бескрайний океан душевных глубин.

«Сейчас правда не то время. Кроме того, как это у меня обычно бывает (чему я уже даже перестал удивляться), мой бюджет на путешествие за последние дни заметно снизился незапланированными тратами», – рассуждал я.

«Опять грязное дешевое жилье, еда в прокуренных забегаловках и дорога на перекладных? Это же не отдых, а насилие над собой. Зачем? За что? Лучше взять тур в какую-нибудь Турцию с хорошим отелем и шведским столом. Да, не на месяц, зато это будет настоящий отдых. Еще не поздно вернуть билеты! Еще не поздно! Не поздно!» – настырно твердил голос.

Его слова я находил рациональными и даже где-то соглашался. «Возможно, сейчас действительно не лучшее время для путешествий. Пожалуй, да. Еще не поздно все отменить», – думал я, но что-то внутри болезненно сжималось и стонало...

13 января

Светило яркое зимнее солнце, сияя в безоблачном синем небе. Хорошая погода часто сопровождает меня в поездках к бабушке и дедушке. Калитка ворот отворилась со скрипом, звякнул колокольчик на занавеске у входа. Теплые улыбки и крепкие объятия согрели душу. Я сел за кухонный стол. Бабушка налила ароматный борщ в широкую тарелку с нарисованными цветами, сверху посыпала свежей зеленью, протянула ломоть белого хлеба.

– Сначала еда, а потом разговоры! – повелительно сказал дедушка и придвинул баночки с солью и перцем.

– На второе у меня рагу с телятиной, – сказала бабушка.

– Не забудь попробовать черемшу и хамсу. Я сам солил. Такое больше нигде не попробуешь! – горделиво добавил дедушка.

После трапезы он, как это полагается, сел на стул напротив меня, надел очки и начал внимательно рассматривать. Лицо его было сосредоточенным и даже немного взволнованным.

– Ты болен, – уверенно заявил он.

– С чего это ты взял? – удивился я.

– Я долго за тобой наблюдаю. Ты похудел, выглядишь невеселым и изможденным. Я тут поднял старые знания, вычитал кое-что новое и понял: у тебя лейшманиоз¹. Ты его подцепил в своем путешествии в Азии в прошлом году, а сейчас потихоньку умираешь! – как-то даже торжествующе заявил дедушка.

«Ну, прекрасно, – подумал я. – Спасибо за поддержку».

– Там же, в этой Азии, сплошная антисанитария, – продолжал дедушка. – Я как представлю, так меня аж в дрожь бросает. Я ночами не спал, пока ты был там, все переживал. Тебе надо срочно заняться лечением: сдать анализы, начать пить витамины. Не ухмыляйся, это серьезные вещи, между прочим.

¹ Лейшманиоз – инфекционная болезнь, возбудителем которой является паразит, обитающий в клетке, и которая передается через укусы москитов. – Прим. ред.

Я его тут же разубедил, сообщив, ведь после моего путешествия в Азию прошел уже год и за этот период я сдал кучу анализов, которые показали, что у меня все было в норме. Но если у меня что-то и имеется, то это точно не лейшманиоз. А хую я, потому что много работаю, не всегда правильно питаюсь, точнее, порой совсем не питаюсь. «И еще потому, что до сих пор не могу избавиться от гнетущего чувства тоски, томящейся в душе, страстной необходимости постоянно куда-то бежать; не могу обрести самоудовлетворенность и умиротворение хотя бы на время», – добавил я про себя.

Дедушка, услышав лишь произнесенные вслух слова, выдохнул и за считанные секунды расслабился.

– Но ты все равно сдай анализы на лейшманиоз и купи «Компливит», – добавил он.

Я кивнул.

– Какие у тебя планы? – будто и не было предыдущего разговора, снова спросил он.

– Опять собираюсь в путешествие.

– Куда? – настороженно поинтересовался дедушка.

– Буквально через неделю, – ответил я, уходя от прямого ответа.

– Понятно, а куда? – не сдавался он.

– В этот период в Краснодаре мало работы, вот я и решил...

– Так куда? – не отступал дедушка.

Я замялся, боясь произносить вслух страшное название. Сделал паузу, проглотил слюну и тихо произнес:

– В Индию.

Еще никогда я не видел глаза моего деда настолько большими и круглыми. Мне даже показалось, что у него на голове зашевелились седые волосы.

– В И-и-индию? – переспросил он.

– Угу, – подтвердил я.

– Нет, ну, ладно Азия, но И-и-индия! Там же творится Бог знает что! У-у-ужас! Ты хоть понимаешь, что такое Индия? Там такая антисанитария, что просто... Индусы купаются, справляют нужду, сжигают трупы, выкидывают мусор в одну реку и тут же пьют из нее! Меня бросает в дрожь, как только я думаю об Индии! Ты что, жи-и-ить не хочешь?

«Вот-вот», – добавил мой внутренний голос.

– Я примерно понимаю, что такое Индия, – отвечал я. Хотя сам дедушка там не был и знает о ней только из книг, газет и телевизора. – Но я хочу посмотреть эту страну, я давно о ней мечтал. Ее посещают миллионы туристов, и ничего – живые, счастливые, очарованные Индией. Я взрослый, адекватный, ответственный человек, понимаю, что такое техника безопасности. – Дедушка молча на меня смотрел. Я знал, что фраза «техника безопасности» очень многое значит для моего деда – настоящего моряка и строителя со стажем, поэтому специально, даже нарочито, ее употребил. – Да, я хочу жить, но жить по-настоящему. А если только работать и ничего другого не видеть, не получать удовольствие, а все время бояться мнимой опасности, то тогда какой во всем этом есть смысл?

Я смотрел на моего деда и понимал, насколько мы отличаемся. Разные судьбы выпали нам. Мое детство нельзя было назвать легким, но и не столь суровым, как его, родившегося в военные годы. Когда людям нужно было бороться не только с врагом, но и с голодом. А после войны в разрушенной и растерзанной стране им приходилось устраивать себя заново. Пытаться как-то жить в новой реальности. В его мировоззрении главенствовали понятия «стабильность», «спокойствие» и «безопасность». Я понимал это, но, к счастью, наступили иные времена. Мысль о том, что я буду жить в сытости и стабильности, но при этом ощущая себя несчастным, угнетала так, что я чувствовал физическую боль внутри грудной клетки.

«Если уж на то пошло, то лучше помереть где-нибудь там, но делая что хочется, чем сидеть здесь и бояться жизни», – проговорил я про себя, не решаясь произнести вслух, боясь

напугать моего деда. И в этот самый момент я четко решил, что точно полечу в Индию, чего бы мне это ни стоило.

Дедушка тяжело вздохнул и брезгливо произнес:

– То Марокко, то Азия, теперь Индия. Вечно тебя тянет по всяким помойкам...

– Там интересней, – слегка улыбнувшись, ответил я.

– Будь осторожней. И купи «Компливит», – сказал мой дедушка.

Через несколько дней мне дали визу.

«Опять мы остались без стиральной машины», – сердито произнес мой внутренний голос.

II. Дели

Проверка на прочность

День 1

Самолет, мягко опускаясь в предрассветный туман, приземлился в аэропорту Дели. Уже выйдя на трап, я ощутил неповторимый аромат Индии, о котором рассказывали друзья, бывавшие здесь. Это был душный запах мегаполиса с оттенками специй и масел, которыми было пропитано все вокруг. Длинная вереница пассажиров двигалась по коридору к зоне прилета. Обогнув толпу, ожидающую свой багаж, я пошел дальше, поправив рюкзак на плече. В нем были все мои вещи на ближайший месяц: шорты, майка, трусы и носки, еще маленькая аптечка, зарядные устройства, фотоаппарат, блокнот и ручка – стандартный набор для моих путешествий. А на руках лишь обратный билет через месяц.

Первым делом нужно было поставить отметку в визе о прибытии, купить сим-карту и уже потом поехать в хостел, номер в котором я забронировал всего на одну ночь несколько часов назад, ожидая рейс.

Байки об индийском менталитете находили меня еще задолго до решения отправиться сюда. Но я и не подозревал, что этот надменно-расслабленный стиль восприятия жизни будет настолько бросаться в глаза, проявляясь даже в людях, занимающих государственные должности.

Мужчины за стойками двигались расслабленно и медленно, но их уверенные взгляды говорили, что все идет в нужном ритме. Они спокойно общались между собой, показывая, что для них не особенно важны не только туристы, но и вообще все, что происходит вокруг. Один пограничник красочно рассказывал историю соседу по стойке, второй внимательно слушал и смеялся. До того момента, как рассказ пришел к кульминации, а их смех утратил силу, ни одна печать не появилась в паспортах прилетевших.

В визовом отделе я познакомился с двумя веселыми девушками из Беларуси...

– Ты первый раз здесь? – спросила одна из них.

– Да, – ответил я.

– О, Индия классная, просто потрясающая. Тебе понравится. Только тут так грязно, везде антисанитария. Мой руки постоянно, не ешь уличную еду – траванешься и будешь валяться с температурой сорок два; не здоровайся со всеми подряд, ну, в смысле за руку, следи за вещами – могут обокрасть; не ходи в жилых кварталах, а только в туристических местах; кстати, бойся комаров – можно подхватить малярию (меня как-то французы еле откачали, хотели уже в реанимацию класть). И аккуратней с обезьянами – они часто кусают туристов. Непонятно чем могут заразить. Вообще-то, они переносчики СПИДа, ты знал?

– М-м-м, нет.

– Ну, ладно, хорошей тебе Индии, наслаждайся, – задорно подытожила она и направилась к терминалу внутренних вылетов.

«Неплохое начало», – подумал я и вышел из здания аэропорта знакомиться со страной.

Поезд метро открыл двери на нужной станции. Я вышел на свет, включил карту навигатора и отправился к хостелу пешком.

Утренний Дели был окутан легким туманом, через который пробивалось свечение алой зари. Просторные, грязные, словно после ночной вечеринки, улицы еще пустовали, но постепенно заполнялись людьми и рикшами. Коляски позвякивали, трясясь на кочках разбитой

дороги. Начали слышаться отрывистые сигналы, ощущаться резкие запахи уличной еды, смешавшиеся с оттенками сырости и гари, чувствоваться легкая суматоха – Дели просыпался. А я хотел спать.

Всюду валялся мусор. Старые обшарпанные здания, обрамленные толстым слоем пыли и копоти и увешанные рекламными вывесками, теснились вдоль дорог. Люди со смуглыми лицами, одетые в странные цветные наряды, укутанные тряпками, платками и даже покрывалами вместо курток, готовили прилавки к рабочему дню. Аутентичная картина Старого города² предстала перед глазами. Складывалось ощущение, что я нахожусь на съемочной площадке какого-то фильма.

Сонный щуплый индус в хостеле указал мне на нижнее место двухъярусной кровати в темной затхлой комнате. Из противоположного угла доносился храп. Я наконец уложил голову на несвежую подушку. Часы показывали семь утра. «Ну, не так уж здесь и грязно, не так шумно и не так уж много людей. Видимо, в Интернете все ввали», – подумал я и закрыл глаза.

12:10. Улица Main Bazar

«Твою мать... Беру свои слова обратно. Надо забыть, что я говорил до этого. Просто то было раннее утро. Здесь очень грязно. Тут очень много людей. Они буквально везде, куда бы ни пошел, куда бы ни посмотрел. И все обязательно орут, чем-то стучат или сигналият. А я думал, меня ничем не удивить».

Пытаясь осознать все происходящее вокруг, я двигался по оживленной улице, змейкой виляя между рикшами, к первой цели, к одной из главных достопримечательностей города – соборной мечети.

В моих путешествиях есть обязательный пункт под названием «знаменитые достопримечательности». Он стоит на первом месте в списке дел. «Сначала обогатись культурно, а уже потом занимайся остальными делами», – таков мой принцип.

Сквозь нескончаемый поток машин, мопедов, велорикш, движущихся хаотично, но с одинаково низкой скоростью, протискивались люди с массивными мешками и громоздкими грузами на плечах. Тут же лавировали запряженные лошади, ослы, свободные «божественные» коровы и взволнованные туристы. Продирался среди них и я.

Лязг железа, рокот мопедов, мычание коров, оглушительные крики продавцов и возгласы грузчиков звенели в ушах. Переpletенные запахи пота и помоев, специй и масала-чая ударяли в нос. Толчки прохожих в нескончаемых, мелькающих перед глазами потоках людей проявляли реальность, говоря, что это не сон. Вот так резко Индия всей своей неповторимой самобытностью и специфичностью, с мусором, запахами и всеобъемлющим хаосом, без прелюдий и послаблений обрушилась на мою непривыкшую психику в обычный вторник.

Вдруг рикши остановились, будто перед светофором, на которые обычно никто не смотрит. Крупная коричневая корова с белым пятном на боку, тяжело и вальяжно передвигая копытами, перешла дорогу. А сразу после нее, когда на проезжую часть сунулся я, коридор схлопнулся вмиг, транспорт вновь начал движение, и я чуть не оказался под колесами. «Они священны – ничего личного. Здесь ты, белый человек, в иерархической лестнице стоишь ниже коров. Привыкай. После тебя только кабаны и крысы», – твердил мне город. И я старался привыкнуть.

Огромные засмоленные жаровни готовили уличную еду, брызгая раскаленным маслом и одурманивая резким пряным запахом прохожих. Жирный и густой масала-чай бурлил в ведрах

² Старый город был основан в 1639 году как город-крепость. До 1857 года был столицей страны и теперь остается символическим сердцем Дели. – Прим. ред.

и металлических чайниках. Вроде бы есть и хотелось, но обстановка, вид уличной еды вызывали мысль: «А вообще-то не так и голоден».

Я пробирался через препятствия вперед, к знаковым местам Дели, вместе с движущейся массой. Поток принес нас, то есть меня и десятки незнакомых людей, в длинный переход, подняв над артериями железнодорожных путей. Внизу по рельсам плавно скользили тяжелые поезда. Узкие вытянутые перроны были заполнены фигурками в разноцветных нарядах. А здесь, наверху, поток двигался прямо, слегка огибая препятствие впереди.

Вскоре я увидел причину затора. На холодном бетоне лежал мужчина, с застывшими приоткрытыми глазами, устремленными вверх. Разомкнутые губы замерли, будто не успев сказать что-то важное. Обмякшее тело побледнело, утратив жизненный румянец. Рядом сидел совсем юный парень, испуганно тряс вялое плечо и судорожно набирал номер на старом кнопочном телефоне. А в черных блестящих глазах его таился тихий ужас.

Стремительная людская река невозмутимо и обыденно проплывала мимо, лишь некоторые приостанавливали шаг, на мгновение заострив внимание, и двигались далее к своим делам. Все происходящее напоминало скорее фильм. Казалось, сейчас режиссер крикнет: «Стоп! Снято!» – и актеры поднимутся с пола, начав улыбаться и обсуждать удачные дубли. Но это был не фильм, а реальная жизнь.

Шумный поток унес меня к выходу, оставив страшную картину позади, а позже уже вынес на широкую улицу. Лишь спустя время там я в полной мере осознал только что увиденное.

«Это тебе не санаторий под Кисловодском, это настоящая Индия, мальчик мой», – говорили мудрые глаза старца, сидящего на маленькой табуретке возле магазина, пронизывая меня насмешливым взглядом.

«Нет, я вам не изнеженный турист, и не в таких местах бывал, не такое видел и не с такими людьми трапезничал», – отвечал я твердым взглядом, выдержав безмолвную дуэль.

«Да-да. Я вижу, ты не такой. Ты молодец, ты сильный, смелый и такой красивый. Купи платок из натурального кашемира, бусы или орешки!» – твердили глаза молодого парня, трясущего перед моим лицом своей продукцией.

Улица заметно расширилась, но просторней не стало. Нескончаемый людской поток, словно вода, заполнял все пространство. Я приближался к мечети, шагая вперед и смотря по сторонам. Народу еще прибавилось. «Их там подвозят, что ли?»

Усталые чумазые трудяги сидели на пыльных мешках и старых телегах, покуривая самокрутки, и уныло глядели вдаль. Изможденные нищие протягивали сальные трясущиеся руки, ожидая подати. Улицы и дома напоминали старый сарай или захламленный балкон с антеннами, коробками, рекламными вывесками, грязными тряпками и затасканной одеждой, свисающей со стен разрушающихся домов. «Добавить велотренажер, баллоны, ржавую гирию – точно будет настоящий отечественный балкон». Разветвленная паутина электропроводов, окутавшая здания серого города, покрытого пылью, словно сигаретным пеплом, свисала со столбов. Под ней хаотично двигались толпы людей. Глаза разбегались, барабанные перепонки звенели, все каналы восприятия работали на пределе, испытывая жуткий стресс. Слишком уж большая концентрация всего приходилась на один квадратный метр делийской повседневности.

«Не вздумай здесь ни до чего дотрагиваться», – твердил мне мой внутренний голос.

Но, несмотря на весь этот хаос, Дели мне понравился уже с первого взгляда, привлекая своей аутентичностью. Многолетняя история встречалась здесь на каждом шагу: в причудливых зданиях, в резных дверях, в одежде и обрядах местных жителей. «Здесь по-другому быть и не должно, ведь это Индия».

Казалось, до мечети я не дойду никогда, но наконец перед глазами возникли большие ворота и вывески с надписями на хинди. Крутая лестница с высокими ступенями устремлялась вверх, к величественному памятнику.

На входе попросили снять обувь, заплатить за билет и еще добавить за фотоаппарат.

– Но почему другие не платят? – пожаловался я, указав на европейскую пару с маленьким фотоаппаратом-мыльницей.

– У тебя большой, поэтому надо заплатить! – сурово заявил человек на входе.

Мечеть впечатляла. Она гордо стояла, прорастая из тумана. Над белыми луковичными куполами птицы плавно описывали круги, стройные минареты упирались в низкое небо.

Под багровыми резными арками двигались люди в мусульманском одеянии. Другие задумчиво сидели на протоптанных плитах. Молящиеся располагались на алых потертых коврах, прикладывали к полу лбы.

Намоленные места всегда ощущаются нутром. Их звенящая энергетика пронизывает все вокруг легкой приятной вибрацией. В священной мечети отражалась мощь и величие династии империи, молитвы, благодарности, слезы и боль миллионов людей, несколько веков приходивших сюда и обнажавших свои души.

Забавно, что в одной из самых главных достопримечательностей людей было меньше, чем на улицах, а в нашем мире все наоборот. Кто-то ходил молча, скользя взглядом по стенам, створкам, куполам, другие молились в специально отведенных местах, а кто-то шумно восторгался и фотографировался на фоне грандиозного сооружения.

Оказалось, что я здесь суперзвезда. Многие индусы просили со мной сфотографироваться, называя сэром. Сначала я не понимал, что происходит, но после узнал, что в Индии существует традиция: иметь в телефоне фото с белым человеком – к удаче! А желающих бесплатно стать счастливыми нашлось немало (как будто истинно счастливыми могут сделать деньги). Самых колоритных я просил взамен позировать в объективе уже моего фотоаппарата. Услуга за услугу, а где-то за это деньги просят.

Странное ощущение теплилось внутри после посещения мечети. Хотелось молчать и переосмысливать историю, ценности, жизнь. Снова войдя в мощный поток людей и машин, двигающихся от мечети, я вставил наушники в уши, не включив музыку, а для защиты от зазывал, и поплыл по течению к знаменитой улице Chandni Chowk.

В какой-то момент я понял, что уже второй квартал рядом со мной шел и что-то мне рассказывал забавный улыбчивый индус. Спокойно и непосредственно, будто мы старые друзья, он делился событиями своего дня. Мое сосредоточенное лицо намеренно не показывало интереса к его историям. Я спокойно шел, делая вид, что не замечаю спутника, но боковым зрением держал его в поле видимости и рассматривал. Он был невысокого роста, одетый в грязную оборванную одежду. Смуглое лицо, обросшее неровной щетиной, через которую пятнами пробивалась седина, светилось счастьем. Коричневые глаза с паутинкой красных капилляров на желтоватых белках, казались добрыми и усталыми. Один из них открывался чуть шире другого. Этот человек, видимо, раскусил мой метод и спокойно продолжал что-то рассказывать, попутно задавая простые вопросы. И вскоре момент икс настал. «Ну, наконец-то, – подумал я. – Прелюдия завершена».

Он перешел к делу и предлагал провести обзорную экскурсию по Старому центру Дели. На лице его сияла улыбка с окрашенными красной краской зубами, а заискивающие блестящие глаза говорили об острой финансовой нужде. Я слушал его и смотрел по сторонам. У заплесневелой грязно-лазурной стены хрипый старец протягивал трясущиеся руки, покрытые язвами. Женщины, прижимающие грудных детей к себе, что-то умоляюще просили, но у меня в кармане еще не было мелких денег. Окружающая нищета нагоняла тоску и сжимала сердце. Я согласился на экскурсию, потому что, во-первых, на культурную программу денег мне не жалко (да и экскурсия стоила всего двести рупий, как чашка кофе в Краснодаре), а во-вторых, я одобрял посыл не выпрашивать деньги, а желать их именно заработать.

Старенькая, небольшая, но уютная коляска, прикрепленная к велосипеду, приняла меня в свои объятия, и мы отправились в путь. Несмотря на чумазый внешний вид и простоту в повадках, экскурсовод был воспитан, внимателен и обходителен. Он почтительно давал мне

указания, как держать рюкзак, и яростно ругался на водителей мопедов, цепляющих мой локоть при обгоне в узких улочках.

Постоянно спрашивал: «You ok?», а потом добавлял: «Если ты ок, то и я ок». Было приятно видеть, как он искренне заботился о моем комфорте и желал, чтобы поездка мне понравилась.

Только теперь я спросил его имя. Казалось, сейчас тот улыбнется, протянет руку и ответит: «Я Прабакер». (Как героя знаменитого романа «Шантарам». Очень он его напоминал.) Но экскурсовод назвался Джамилем.

Джамиль привозил меня в колоритные локации Старого города и показывал привлекательные места для фотографий, все приговаривая: «О, это очень старый мечеть. О, это очень старый стена. О, это очень старый дверь». При этом он давал рекомендации в любезно-приказной форме: что, где и с какого ракурса я должен фотографировать. Я смеялся и послушно следовал указаниям.

Мы медленно двигались по узким извилистым артериям, разлившимся меж зданий по всей территории Старого города. В переулках, в которых, казалось, тяжело было разойтись даже двум худым индусам, текли потоки людей, ездили повозки, рикши, мопеды, бродили свободные коровы и ослы, запряженные грузами. Там же торжественно проезжала и наша «колесница» с обзорной экскурсией.

«Вот, бл*дь, только туристов здесь и не хватало», – промелькнуло вдруг во взгляде рабочих, несущих тяжеленные мешки на плечах.

Грязевые узоры и расплзающаяся плесень поглощали серо-бурые стены и углы зданий. Пахло сыростью, старостью и фруктами. На лотках, сваленные кучей, желтели грозди бананов, дольки сочных манго, душистые папайи. В районе специй все чихали и кашляли – логично. Яркие платки и сари разнообразных цветов и оттенков разукрашивали мрачный пейзаж, придавая ему праздничную атмосферу, а Джамиль все кричал: «Это очень старая стена! Делай фото!»

Припарковав транспорт, Джамиль приказал двигаться за ним и, протискиваясь сквозь отряды грузчиков, нырнул в арку, махнув мне рукой. Мы оказались в старом здании с узкими проходами и крутыми грязными лестницами, которые вели на крышу. Поднявшись, я вдохнул полной грудью. Открытое пространство и свобода действовали как глоток свежего воздуха.

С крыши здания Spicy Market открывался широкий вид. Старый Дели предстал во всем своем неповторимом облике: разветвленные узоры улиц, старые ветхие дома, величественные купола мечетей, многовековая история, ужасающая нищета и бурлящая жизнь, отражающаяся там, внизу, гулким шумом.

Низкие серые тучи укрывали город. Легкая дымка висела в воздухе, делая цвета блеклыми и выцветшими. В такую погоду Дели казался пепельным.

Джамиль театрально рассказывал историю этого удивительного места, добавляя: «Делай фото. Сделал? Или, хочешь, я сделаю фото?» Я несколько раз щелкнул затвором, немного постоял на крыше, прислушиваясь к звукам, а затем вновь ответил: «Е-е-е, ок». Позже я буду часто приходить на эту крышу провожать закат. Это место для меня станет самым любимым в Дели. За что я очень благодарен моему экскурсоводу Джамилю.

Он внимательно посмотрел в мои восторженные глаза, убедился, что я очарован местом, и широко улыбнулся, немного прикрывая веки. На первый взгляд он был похож на бездомного, оборванца или пьяницу, который зарабатывает на бутылку. Но его манеры и знание истории говорили об обратном (хотя и наши пьяницы дадут фору интеллигенции, если дело касается пожертвования на «поправку самочувствия»).

Когда мы разговорились о жизни, он достал телефон и показал фотографию. С разбитого экрана смотрело шесть улыбающихся лиц: Джамиль, его жена и четверо детей. Там, на

фотографии, он был абсолютно счастливым, а здесь, на крыше, – изможденным, задумчивым и немного грустным (или так мне показалось).

Заметив мой взгляд, он опять спросил:

– You ok?

Я произнес про себя: «А ты?»

Около двух часов длилась наша экскурсия. И все это время Джамиль крутил педали, тщетно пытаясь скрыть усталость и муки. Даже стало неловко, я почувствовал себя английским аристократом XIX века, угнетающим местное население.

Два часа тяжелой физической работы за двести рупий. Сердце мое опять сжалось. Позже Джамиль отвез меня в ресторан, поблагодарил и сказал, что я всегда смогу его найти возле ворот № 2 у входа в соборную мечеть.

Кафе было уютным и чистым, что, безусловно, подкупало. В первые дни я старался питаться только в чистых заведениях, регулярно мыл руки перед каждым приемом пищи (сейчас даже смешно). Услужливый официант, внимательно выслушав заказ, принес какое-то мясное блюдо с рисом. «Наконец-то», – произнес мой внутренний голос. Но радоваться было рано.

Жгучая пряная острота ударила в нос, обожгла горло. Еда оказалась настолько острой, что я не смог ее есть. «Хорошо-хорошо, Индия, я тебя недооценивал. Все, понял, осознал. Я просто думал, что после Азии я подготовлен. Ничего, завтра поем нормальной еды», – наивно полагал я.

21:40

Возвращаясь в хостел по широкой улице, я рассматривал окрестности. Людей стало заметно меньше. Ночные продавцы включили съемные фонари, подсвечивающие товар. Кто-то закрывал рабочее место и отправлялся домой. Туман стал гуще. В мутной белой пелене, на пустых грязных улицах, среди костров и кучек греющихся бездомных вальяжно бродили «священные» коровы в поисках пропитания. Зрелище завораживающее и даже сюрреалистичное. Необычно, но интересно – мне нравится в Индии.

День 2

Вторая часть исторической программы и другие достопримечательности ждали меня. Позднее шумное утро, горький кофе, пеший путь по карте навигатора. На одной из улиц хмурый мужчина старательно подметал небольшой отрезок дороги возле своего прилавка. С учетом всеобъемлющего хаоса и окружающей помойки его порыв выглядел так же странно, как порыв человека, пылесосившего пустыню. Но это и вызывало уважение. Ведь он живет по своим принципам, независимо от того, что происходит вокруг.

В первые же дни Индия, не предпринимая ничего особенного, проверяла на прочность мою психику. Но та, закаленная турецкими базарами, марокканскими переулками медин и азиатскими улицами, держалась стойко, сохраняя самообладание и даже проявляя смекалку.

Я быстро втянулся в сумасшедшую дорожную энтропию, уже на второй день ловко маневрируя и виляя меж машин, велосипедов, животных, людей. А в лексиконе появились фразы: «Ну куда ты прешь?», «Давай быстрее проезжай, что телишься, как корова?» Последняя здесь особенно актуальна и может восприниматься как комплимент.

Красный Форт

Грандиозное сооружение великих моголов поразило до мурашек и сбившегося дыхания. Красотой, размерами, историческим масштабом. Мощные багряные стены, будто пропитанные

кровью войн и тягот, надежно укрывали отдельный мир с роскошными дворцами и дивными садами от глаз простолюдинов.

– Куда ты так бежишь? Чего ты так орешь? – говорили мне умиротворенные глаза и плавные движения бородатого, в ярко-фиолетовом тюрбане сикха, прогуливающегося рядом. – Здесь так не принято. Будь спокойнее и наслаждайся.

И я, получив его молчаливый наказ, расслабился. Неспешно прогуливался по необъятной территории цитадели. Внутри царил тишина и спокойствие.

Величественно стояли дворцы и залы, молочно-белые и огненно-красные, богато обрамленные резными узорами. «Если есть рай на свете, то он здесь, он – здесь», – говорилось на арке зала Кала-а-Мубрака.

Пушистые размашистые деревья и зелень освежали воздух. Здесь он был чистым и приятным. Дул теплый ветерок, птицы мелодично напевали тонкую мелодию. Еще двадцать минут назад я несся в огромном, тесном, специфически пахнущем индийском потоке, а теперь спокойно гулял по широким чистым дорожкам, тянущимся вдоль идеально подстриженных кустов. Две совершенно разные жизни: здесь, внутри, и там, за стеной. Не зря говорят: «Сытый голодного не разумеет».

«Бешеный ритм индийской столицы по-настоящему ощущаешь и осознаешь, выйдя из его потока и наблюдая со стороны», – позже написал я в заметках телефона, сидя на крыше старого дома, провожая неспешный алый закат. Сигналы машин, молитва в мечети, гулкие крики птиц...

В кафе возле хостела, где я питался, снова не повезло. Моя схема, казавшаяся выигрышной, терпела фиаско. Сначала я положился на официантов, попросив принести что-то национальное, потом несколько раз тыкал в непонятные надписи в меню без картинок, и всякий раз мне приносили какие-то блюда из круп, овощей или фруктов, в то время как я хотел мяса. «Просто не мой день», – говорил я себе раз за разом. Но одним вечером пара пожилых итальянцев за соседним столиком раскрыла глаза на истину: кафе было вегетарианским.

Провал миссии.

4:15. Хостел

*Твою мать, как можно так громко храпеть? Ну где же ты, Земфира, когда так нужна?*³

День 3

Я не выспался. Сразу три моих соседа по комнате (европеец, индус и азиат) надрывно и густо храпели. Прямо-таки командная работа. Утром я случайно наткнулся на статью о расизме. «Что это? Совпадение? Не думаю...»

Шел третий день в Индии. Я нормально помылся, причем в горячей воде, потому что ее наконец-то дали. Состояние блаженства пришло в мою жизнь 21 января – я даже пометил в календаре. Свежий и чистый, я был готов отправиться на свидание с Нью-Дели.

В каждой экзотической стране я стараюсь покупать и носить местную одежду. Это интересно и часто очень комфортно. Так местное население порой относится к тебе более лояльно, одобряя посыл как дань уважения к своим традициям. Да и спекулянты могут увидеть в тебе человека, проживающего на данной территории и знакомого с тарифами. Это своего рода оберег от «разводил» и «помогал». Главное – сохранять серьезное, уверенное выражение лица, иначе местные примут тебя за наивного лопуха, которому можно втюхать кучу ненужного барахла за большие деньги.

³ Отсылка к строчке: «Хочешь, я убью соседей, что мешают спать?» – из песни Земфиры «Хочешь?».

С опытом путешествий по рынкам разных стран я приобрел навык мастерски строить серьезную гримасу, поэтому для цельного образа местного купил шарф, которым обмотал голову, и большой расписной платок, используя их вместо шапки и куртки. И красиво, и тепло. В обновках летящей походкой я довольный шел к станции метро с мыслью, что победил Индию.

Мутное стекло кассы, пластмассовый жетон, очередь, металлоискатель, нежные руки полицейского, просторный перрон. К большому удивлению, в метро уже привычный колорит Индии куда-то испарился. Прохладный кондиционированный воздух освежал чистые просторные вагоны современного поезда. В креслах сидели спокойные и тихие индусы в европейской одежде. Никто не кричал, не суетился и, главное, ничего мне не пытался продать, а, как полагается в мегаполисах, все уткнулись в смартфоны. «Такое возможно в Индии?» Здесь уже я в пыльных кроссовках, новом ярком платке, с шарфом на голове, фотоаппаратом на шее и рюкзаком на плече выглядел странно.

Присел на сидение. Миниатюрная опрятная девушка с квадратным френчем на ногтях бросила на меня брезгливый взгляд и немного отодвинулась. «Вот тебе и индийский колорит». Пассажиры то и дело проходились по мне любопытными глазами. Индия опять одержала победу.

Я вставил наушники в уши, включил трек «Kanave Kanave» – Chiyaan Vikram и улетел вместе с поездом, рассекая плотный воздух, то ныряя под землю, то поднимаясь над городом, к совсем другой Индии. За окном на горизонте виднелись современные здания и высотки, а вдоль дороги на заборах сушились простыни и наволочки. «Смотри, даже здесь у людей есть стиральные машины», – буркнул мой внутренний голос.

Нью-Дели отличается от исторического центра. Здесь дороги шире, звуки тише, людей меньше. Я встречал европейские кофейни и рестораны, дорогие иномарки и людей в классических костюмах с ноутбуками.

Храм Лотоса

Огромный каменный цветок с белыми размахистыми лепестками стоял на небольшом холме и, отражая солнечный свет, озарял тропу, по которой тянулись к нему красочные потоки людей разных национальностей и вероисповеданий. Этот храм называют храмом всех религий. Туда могут приходить люди любых конфессий и молиться. Для сохранения спокойствия и тишины внутрь приглашали ограниченными организованными группами босых людей (обувь все оставляли в специально отведенных местах).

Внутри храм больше напоминал библиотеку. В просторном помещении стояли лавки, как в католических церквях, вдалеке, перед ними, находилась стеклянная тумба с микрофоном – и все. Не было ни икон, ни религиозных атрибутов. Линии стен плавной дугой уходили к потолку, в центре которого светилось окно с синим кусочком неба. Минимализм, эхо, свет, тишина.

Я прошел босыми ногами по холодному мраморному полу и сел на лавку. Люди вокруг пребывали в задумчивом молчании. Закатный свет пробивался сквозь узкие окна, подсвечивая пылинки, витающие в воздухе. Храм был окутан атмосферой объединяющей умиротворенности. Хотелось сидеть, молчать и не думать ни о чем.

Рядом расположился задумчивый мужчина. Я предложил перебраться с холодной лавки на мой теплый платок. Он с удовольствием принял предложение, подвинулся ближе и пожал мне руку. Нарушая тишину, он шепотом спросил, откуда я приехал, нравится ли мне Индия и т. д. А затем представился Суреном. Я улыбнулся. От ностальгии по дому стало тепло и приятно на душе.

По дороге к метро водитель рикши предлагал довезти до станции за сто рупий. Я говорил, что знаю, где она находится, и дойду сам. «Хорошо, пятьдесят!» – прокричал он. Я сказал,

что до станции всего метров шестьдесят и я ее уже вижу: «Вон она». Тогда он ответил: «Ок, десять рупий».

Вечером возле хостела в голосе шумного города я услышал русскую речь и устремился к молодой паре, разговаривающей на родном языке.

– Привет, ребята!

– Привет.

– Вы русские? – спросил я.

– Нет, мы украинцы, – ответили они и отпрянули от меня, как от огня, начиная спешно уходить.

– Да постойте, неважно кто, главное, что вы меня понимаете. Вы не знаете, где-нибудь рядом есть хорошее кафе? – спросил я, следуя за ними.

– Не знаем, на главной улице посмотри, – ответили люди, которые меня понимают, быстро удаляясь с ужасом в глазах.

Я зашел в хостел с вопросом: «Интересно, а почему индусы и итальянцы от меня не убегали?» Посмотрелся в зеркало. Все как обычно. Наверное, дело не в этом...

День 4

На Индию у меня были большие планы. Я собирался посетить несколько городов, поэтому решил не засиживаться в столице и, простившись с хостелом, отправился в путь. Улица Старого Дели привычно шумела, жизнь протекала своим чередом. Рикши оглушали слух непрекращающимися сигналами, работяги тягали грузы, коровы слонялись в движущемся потоке и искали еду. По дороге к кафе ко мне привязался говорливый индус, задавая стандартные вопросы и предлагая различные услуги. А потом, истратив все козыри, безнадежно спросил:

– Чего ты хочешь?

– Завтракать!

Тогда он задумался и произнес чуть тише:

– Могу предложить гашиш.

– Интересно, но сегодня я, пожалуй, выберу омлет и кофе.

Кафе, в котором я взял привычку питаться, еще пустовало. Сонный персонал только готовился к рабочему дню. На столик у окна падал утренний луч. Яркая обложка моего блокнота светилась синевой на солнце.

– Пожалуйста, омлет, тосты и кофе, – сказал я официанту и добавил: – No spicy!

– No spicy! – повторил улыбающийся парень.

В ожидании завтрака я рассуждал.

У меня не было четкого плана на путешествие, но я держал в голове несколько городов, которые хотел бы посмотреть. Из ближайших пунктов рассматривал Агру, Варанаси и Джайпур.

Принесли кофе. «Хм, то, что сейчас нужно». Я решил, что приеду на вокзал и отправлюсь в тот из «моих» городов, в какой будет ближайший рейс.

Официант принес завтрак. Попробовал. Острый.

– Spicy... – расстроено сообщил я, показывая на еду.

– No spicy! – ответил он и широко улыбнулся.

«Спокойно-спокойно, это Индия, она такая».

Этот же улыбчивый индус любезно рассказал, как добраться до нужного места, и жирным пальцем поставил отметку в карте моего телефона. Я отправился в путь, навстречу приключениям.

– Good luck! – сказал официант мне вслед.

10:45

Твою мать. Да где этот вокзал? Почему на отметке в карте вместо него находится кольцевая дорога?

Автовокзал

Вокзал оказался совсем в другом месте. Его я нашел с помощью местного населения, что оказалось делом непростым. Когда я зашел внутрь, левый глаз нервно подергивался. Электронное табло показало, что ближайший автобус будет в Джайпур. «Ну, вот маршрут и выбран».

Спустился вниз. Касса тоскливо пустовала. По номеру, написанному на бумажке у окошка, никто не отвечал. Подняв нескольких работников вокзала на уши, я все же добился, чтобы позвали кассира. Недовольный мужчина проследовал на рабочее место. Он оценил меня надменным взглядом и с напускной медлительностью начал заполнять билет, цокнув на то, что моя купюра требует размена. Билет оказался не из дешевых.

На перроне практически не было людей (непривычная картина для Дели). У платформы стояла всего пара индийских женщин. По вокзалу курсировали чистые фирменные автобусы. Похоже, это вокзал комфорт-класса.

Продавец местной литературы пытался навязать мне книги в дорогу. Доводы, что я не знаю местного языка, его совершенно не интересовали. Он назойливо подсовывал мне под нос Паоло Коэльо. «О, и тут он. Без него не обходится ни один вокзал».

Вдруг на платформе появилась симпатичная девушка европейской внешности. Мы встретились взглядами и поздоровались, кивнув друг другу. Я заметил, что в странах, подобных Индии, существует негласный ритуал: здороваться друг с другом людям европейской наружности. Пока мы ждали автобус, я рассматривал девушку и пытался угадать, откуда она. Англичанка, француженка, швейцарка? Пожалуй, швейцарка.

Прибыл автобус, протяжно просигналив несколько раз, и мы поехали в Джайпур.

До свидания, Дели.

III. Джайпур

Там, где меня любят

За окном проносились широкие луга, холмы, поросшие зеленью, изогнутые пальмы, глиняные дома, напоминающие развалины, люди в красочных тканях и блестящих украшениях. Вдоль дороги гуляли ленивые коровы, резвые обезьяны, величественные павлины. Индия показывала мне удивительные картины своего мира, но сердце окутывала грусть от невозможности с кем-то прожить этот момент, поделиться восхищением, рассказать о чувствах. Ведь, как кто-то говорил, настоящее счастье в полной мере ощущается тогда, когда делишься им с кем-то.

Я ехал совсем один. Рядом никто не сидел, даже соседние места тоскливо пустовали. Казалось, пространство автобуса растягивалось, а предметы все отдалялись друг от друга.

Проснулся мой внутренний голос: «И что это за беда с настроением? Ты так долго ждал этой поездки. Я напому, что мы отказались от стиральной машины, балкона и спокойного комфортного отдыха, – эти слова он произнес с особенно возвышенной интонацией. – И вот ты здесь, в Индии, едешь в город, о котором грезил. Отчего же ты не веселишься? Что тебе еще надо? Кто тебе виноват?»

Я не знал ответов на эти вопросы. После небольшой паузы голос укоризненно продолжил: «Ты сам выбрал этот путь. Собственноручно ты вел себя к тому, где ты сейчас. О, это павлин за окном? Так что хватит раскисать, соберись и наслаждайся Индией, как мечтал».

Я открыл блокнот и записал:

«Состояния счастья и грусти не зависят от внешних факторов, а рождаются внутри. Ты можешь грустить в лучшем месте на планете и быть абсолютно счастливым на отшибе мира. Вновь вспоминаю фразу француженки, пересказанную мне подругой Юлей годом ранее на Бали: “Главное то, что внутри!” Интересно, та француженка, произнося эту самую фразу, могла когда-нибудь помыслить, что ее слова перенесутся за сотни тысяч километров и спустя долгое время будут жить, вызывая одобрение и трепет у большого количества совсем неизвестных ей людей?»

12:50. Остановка

На станции возле торгового центра пассажиры вывалились наружу. Около туалета я столкнулся со швейцаркой и поздоровался:

- Hello!
- Hello.
- Fine?
- E-e-e.

Мы улыбнулись и разошлись в разные стороны, оставив друг другу подозрительные взгляды с привкусом недосказанности, а через несколько минут вновь встретились в кофейне. Бармен молот зерна, и нас окутывал пленительный аромат и взаимное чувство интереса.

- Coffee? – спросил я.
- E-e-e, coffee, – ответила она.

Я заказал капучино с корицей. Мы стояли рядом и рассматривали друг друга. Затем она спросила:

- А ты, случайно, не разговариваешь по-русски?
- Ты русская, что ли?

– Да.

– И я.

Мы рассмеялись.

– Я все смотрел на тебя и думал, что ты швейцарка.

– А я думала, что ты словак.

– Вот за словака меня еще не принимали. Откуда ты?

– Из Чувашии.

– Никогда бы не догадался. Как тебя зовут?

– Лена.

Мне сразу стало тепло и хорошо. Или оттого, что я здесь не один и разговариваю на родном языке с человеком, который меня еще и понимает, или это свежеприготовленный кофе давал такой эффект.

В автобусе Лена пересела ко мне, и мы разговорились. Уже с первых фраз я почувствовал легкость, сразу стало ясно: мы на одной волне. Лена работала горным гидом в окрестностях Кавказа и Крыма, а сейчас путешествовала так же, как и я, в одиночку. В Индии она не впервые, это был ее четвертый заход, но первый, когда она путешествовала сама. Я же уже несколько лет странствовал сам, но здесь оказался в первый раз.

Мы говорили о путешествиях, о работе, об Индии, о счастье. Когда Лена узнала, чем я занимаюсь, на лице ее появилась широкая улыбка.

Она мечтательно произнесла:

– Индия магическая.

– Уже не в первый раз я слышу эту фразу от разных людей.

– Так и есть.

– Почему?

– Несколько дней назад я загадала желание, что хочу познакомиться с каким-нибудь парнем, который был бы похож на меня – тоже путешествовал. Мне хотелось познакомиться с творческим человеком, может, фотографом или блогером. Я так себе представляла. И вот я познакомилась с тобой, а ты и фотограф, и писатель. Сошлось практически все, даже внешность, представляешь?

– Удивительно. Хоть я и скептик.

– Да... – сказала она, задумавшись. – Индия проявляет людей. Здесь все сбывается: мечты... – она сделала небольшую паузу, – и страхи. Так что загадывай все, о чем искренне желаешь, но будь осторожней с мечтами.

Я задумался. Мы как-то удивительно быстро перешли к глубоким, важным темам, перескочив стандартные поверхностные вопросы. Такое происходит с людьми, которых видишь настолько своими, что сразу им доверяешь.

– Ты много путешествуешь. Зачем ты это делаешь? – спросила Лена.

– Я постоянно задаю себе этот вопрос и до сих пор не нахожу четкого ответа, – искренне сказал я. – Порой я говорю себе, что пора остановиться и сначала решить все дела дома, но постоянно меня куда-то несет.

– Меня тоже.

– А ты знаешь, зачем ты путешествуешь?

– В путешествиях много всего нового: яркие эмоции, люди, другой мир.

– Но новое и эмоциональное может быть и дома. Было бы желание...

– Знаю, – ответила Лена и достала телефон, будто бы неосознанно подав знак, что не хочет продолжать эту тему. Я замолчал и тоже достал телефон.

Друзья из Краснодара мне писали: «Боже, ты в Индии. Только вернись оттуда живым». Я улыбнулся.

За окном появились старые глиняные постройки, которые буквально облепили обезьяны.

– Когда много путешествуешь, – прервала тишину Лена, – стирается ощущение реальности, и в какой-то момент возникает чувство, что смотришь телевизор. А автобусы, поезда, самолеты – это способ переключать каналы.

– Интересно, тогда какая страна у нас РЕН ТВ?

Мы засмеялись.

У Лены в Джайпуре жил знакомый, тоже горный гид. На следующий день он обещал провести ей обзорную экскурсию по городу. Она пригласила и меня. Мы обменялись номерами и договорились вечером списаться по этому вопросу.

Алый закат укрывал небо, Джайпур, автобус и всех нас. Город постепенно приближался и вскоре нес нас в своих объятиях. Силуэты домов и зданий, размашистые кроны деревьев проплывали в окне автобуса на фоне полыхающего закатного неба. Присутствовало волшебное ощущение индийской сказки. Заглянув в навигатор, я попросил остановить автобус раньше вокзала – так было ближе.

Мы попрощались с Леной, я вышел на перекрестке и направился к хостелу, двигаясь по стрелочке навигатора, натянув на лицо фирменную гримасу «русского человека», дабы отпугнуть навязчивых рикш.

Стемнело. Разбитые дороги вели к мрачным переулкам и старым серым домам. Редкие тусклые фонари слабо освещали путь, здания, похожие на руины, маленькие киоски, предлагавшие печенье, куриные яйца и сигареты. Хмурые задумчивые индусы, укутанные в пледы, ютились возле многочисленных костров на обочинах дорог, молчаливо наблюдая за языками пламени. Резвые и жизнерадостные дети весело бегали друг за другом в сторонке. Вот она – возрастная осознанность реальности в действии.

В дверном проеме дома одного из переулков показалась маленькая девочка, следя за мной большими любопытными глазами. Я улыбнулся ей и помахал рукой. Смутившись, она спряталась за занавеской, но спустя время, когда я прошел вперед, выбежала на дорогу и прокричала вслед: «I love you!» Я обернулся, снова улыбнулся и ответил: «Love you too». Вскоре меня окружила вереница любопытных детей во главе с моей «любовью». Завидев приветливую улыбку, детское стеснение испарилось в один миг. Их маленькие ладони соединились перед грудью, они здоровались на хинди и английском и спрашивали, откуда я приехал. А та девочка все повторяла: «I love you, I love you».

Найти в потемках хостел, не имеющий даже вывески, в запутанных переулках Старого города получилось с трудом. На пороге встретился приветливый шепелявый индус с кривым носом и редкими зубами в широкой улыбке. Он внимательно меня выслушал и взволнованно сообщил через переводчик телефона, что я забронировал место в номере для женщин, а здесь так нельзя.

– Ну, приехали. А почему тогда у меня в программе появилось это предложение? – с усталостью и раздражением спросил я.

Он попросил не переживать и позвал своего младшего брата, чтоб он помог мне в поиске другого жилища. Брата звали Абу. На вид ему было лет семнадцать-восемнадцать. Худошавый, жилистый и шустрый. Голову покрывали смоляные слегка вьющиеся волосы, а в больших угольных глазах горел задорный огонь. Абу был очень похож на Аладдина из одноименного мультлика.

Мы отправились в путь.

Пока шли, Абу сразу же нарек меня своим братом и спрашивал, в первый ли раз я нахожусь в Джайпуре, сколько планирую здесь остаться и куда поеду дальше. Он задавал кучу вопросов и перебивал, даже не дожидаясь ответов на них. Затем сообщил, что может провести экскурсию по городу, показать интересные места и попить со мной чаю.

– Денег за это не возьму, просто я люблю сопнест, понимаешь? Связь! Ведь я очень хороший человек, – нескромно добавил он.

Долгая дорога и проблемы с жильем сильно меня вымотали. Желудок мелодично урчал, настроение стремилось к плинтусу, а меня куда-то вел незнакомый подозрительный парень по имени Абу. Здесь он походил на пацана с района, который решит любой вопрос и достанет все, что нужно.

Абу разговаривал на английском, имея жуткий индийский акцент, и тараторил с такой скоростью, что мой мозг не успевал воспринимать информацию. Я хотел сказать, что у него очень специфическая речь и я не все понимаю:

– Your English...

– Is very good. I know, thanks, – перебив меня, протараторил он и тут же начал рассказывать какую-то свою историю, все добавляя «my brother».

Я не нашел, что ему ответить, поэтому решил молча согласиться.

20:00. Новый хостел

– Твою мать, мне не нужны драгоценные камни, сережки и платки из натурального кашемира. Просто скажите мне, сколько стоит ночь в вашем хостеле, – раздраженно объяснял я администратору, Абу и кучке китайских туристов, собравшихся на ресепшене.

Абу долго пытался что-то рассказать, но я не понимал. Мне не хотели называть цену за ночь, а предлагали подняться и посмотреть номер, что меня сильно раздражало. Терпение было на пределе. Я начал повышать голос, отчего китайцы притихли, а Абу сказал:

– No problem, my brother.

Мой внутренний голос произнес: «Не вздумай сейчас психануть и уйти. На улице ночь, телефон почти сел. Где мы сейчас будем искать новое жилье?»

Я старался дышать глубоко и медленно. «Спокойно-спокойно, это Индия, она такая».

Наконец номер был забронирован, мы перешли к следующему этапу: я спросил, где здесь можно поесть. Абу не стал рассказывать, но предложил отвезти туда на своем байке:

– Нет проблем, просто я очень хороший человек. Connect, помнишь, брат мой? – сказал он и взял мой телефон, быстро набрал номер, записал себя в список контактов и отдал мне гаджет. Я даже не успел понять, что произошло.

Через пятнадцать минут возле двери хостела появился Абу в джинсовой куртке с нашивками, сидя на черном мотоцикле, похожем на Harley.

Даже в лице его что-то изменилось. Бунтарский огонек заблестел в глазах.

Я сообщил, что мне нужно кафе, где есть неострая еда. Абу кивнул и прокричал: «No problem, my brother!» – и дал газу. Под рев мотора мы отправились в путь.

В местной забегаловке, переполненной индусами, все разом притихли, внимательно наблюдая за белым человеком. Абу шел немного впереди с гордым уверенным лицом и вальяжно-расхлябанной походкой. Официанты, завидев иностранного посетителя, провели нас из общего зала в отдельную комнату, в которой было светлее и имелись столы с белыми скатертями. Складывалось ощущение, что я какой-нибудь высокопоставленный гость.

Официанты следили за каждым моим движением. Три раза я сообщил, что мне нужна неострая еда. Все кивнули. Абу сказал: «No problem, my brother».

Вскоре на столе оказалось что-то похожее на курицу в густом жирном томатном соусе, лепешки и вода. Официанты гипнотизирующими взглядами сопровождали мои действия. Я отломил кусочек хлеба, проглотил несколько ложек густой смеси и... Острота вновь ударила в лицо, запыхала огнем во рту. Жадными глотками воды я пытался потушить внутренний пожар. Джайпур показал новый уровень остроты, то, что я считал острым в Дели, было детскими приправами. Это странное и до боли обидное чувство, когда ты голоден, перед тобой стоит еда, но есть ее невозможно. Эдакий индийский запретный плод.

Абу не сдавался. Мы заехали еще в два кафе. История там повторилась – я расстроился. В следующем ресторане сказали, что имеется неострая еда, – обрадовался. Оказалось, что он вегетарианский, – заматерился.

– А здесь есть магазины? – спросил я у Абу.

– Магазины? – спросил он, удивившись.

Я не стал продолжать, а начал впадать в уныние.

– Пока Джайпур мне не нравится, – сказал я Абу.

Он притих, былой задор в его глазах немного угас.

Мне вдруг захотелось побыть одному. Я сказал моему новому брату, что хочу прогуляться в одиночестве. Абу не стал возражать. Мы простились, и он испарился в ночной пучине, оставив за собой уплывающий красный огонек фары мотоцикла.

Я легко открываюсь миру до определенного уровня, но не люблю людей с напускной, фальшивой добротой и излишним панибратством, таких, в которых сидит явное желание с тебя что-то поиметь. Возможно, Абу был хорошим парнем, но уж очень сильно в нем горело желание наживы, а это всегда чувствуется. Это отталкивает от людей, чьи приоритеты немного иные. Больше я его не видел, но у меня в памяти застыли его озорные блестящие глаза.

Ровными спокойными шагами я брел в одиночестве, не понимая куда, просто вперед, ощущая обиду непонятно на кого. Я перебирал мысли, рассуждал. И вдруг в памяти начали всплывать теплые воспоминания юности.

31 декабря, 1999 год. В комнате елка, украшенная советскими игрушками, ватой, ненавистным мне дождевиком и старой гирляндой. За столом большая семья: бабушка накладывает пюре мне в тарелку, мама смотрит телевизор, сестра обнимает рыжего кота, бабушка произносит тост, чем-то похожий на новогоднее обращение Ельцина. Я про себя соглашаюсь с его фразой: «Это был нелегкий год». Мы чокаемся, я отпиваю глоток виноградного сока из резного хрустального бокала. На столе салаты, холодец, бутерброды со шпротами и икрой, жареная курица, закрутки, купаты, бутылка «Российского» шампанского.

В телевизоре поет молодой Киркоров. В зале под елкой лежат подарки и два пакета отборных конфет, собранных для меня с сестрой бабушкой. Главное место в них занимает, конечно же, киндер-сюрприз – всего один, зато самый ценный. Сейчас детей этим не удивишь: каждый день в их рационе подобные сладости. Но тогда для нас киндер-сюрприз представлял собой священный и желанный предмет.

У меня странное настроение. Мои друзья во дворе всю неделю говорили, что в эту ночь наступит конец света. Я еще не понимаю, верю в него или нет, но весь вечер переживаю и боюсь об этом сказать взрослым. Сестра говорит, что этого не может быть, ведь у нее серьезные планы на следующий год. Я думаю: «Если завтра будет конец, тогда сегодня надо покончить со всеми делами: сложить свои коллекционные модели машин в отдельную коробку, погладить кота, подарить открытку маме, съесть самые вкусные конфеты в подарке, а то они достанутся моей сестре, чего допустить нельзя ни при каких обстоятельствах, даже если на Землю упадет метеорит».

Выполнив дела, под песни из «Голубого огонька» я ложусь спать. Наутро, 1 января, все живы, конца света не происходит. «Ну вот, а я уже съел самые вкусные конфеты! Мир несправедлив», – с этой мыслью я вхожу в новое тысячелетие.

Одна история сменяла другую, перебрасывая меня в воспоминания разных лет.

Здесь мы едем в такси на вечеринку и поем песни Аллегровой. Я сижу на переднем сидении в костюме Бэтмена, слева суровый таксист хмуро смотрит на дорогу, позади мои друзья: джокер, фея, мальчик из фильма «Пила». Мы веселые, озорные и невероятно счастливые. Надрывно орет: «Угнала тебя, угнала...»

Далее я переносился во времени вперед.

Тут мы с друзьями стоим в круглосуточном магазине поздней ночью. Суровая принципиальная женщина говорит:

– Нет! И все.

Я спрашиваю ее имя, а потом говорю:

– Вот смотрю я в ваши прекрасные глаза и понимаю, что Михаил Юрьевич был абсолютно прав.

– Какой Михаил Юрьевич?

– Лермонтов!

Она вопросительно смотрит на меня. Я громко и с выражением начинаю читать стихотворение Лермонтова:

*Зови надежду сновиденьем,
Неправду – истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!
Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего:
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.*

Она пытается сдержать улыбку, пробивающуюся сквозь серьезную гримасу. Затем садится, цокает, берет черный пакет, кладет туда бутылку коньяка и протягивает нам со словами: «Только быстро отсюда». Моя компания расплачивается и удаляется с трофеем, а я, оставшись, спрашиваю у продавщицы, какой шоколад самый вкусный. Затем покупаю и плавно пододвигаю к ней плитку самого вкусного шоколада с фразой: «Это вам!»

На улице мы выпиваем коньяк и гуляем всю ночь, слушаем любимые песни на телефоне, рассказываем увлекательные истории. Веселье, музыка, разговоры, улыбки, искренний смех и множество приятных лиц рядом...

Я вспоминал и другие веселые мгновения и задавался вопросом: «Как так сложилось, что раньше в моей жизни было много людей, шумных компаний, вечеринок и встреч, а теперь нет? Раньше ни одни выходные не проходили без веселья, а сегодня я не знаю, кому позвонить, и не понимаю, кто бы мог меня понять. Как это произошло?»

Я не знал как, но четко понимал – я сам привел себя к тому, что имел сегодня. Я уволился с работ с большим коллективом, избегал шумных вечеринок и встреч, уходил из отношений или делал так, чтобы уходили от меня. Я сам привел одиночество в свою жизнь, я осознавал это, но никак не мог понять, для чего.

«Вот и сейчас здесь, в Джайпуре, я один. Отшельник. Одиночка, силуэт человека, дрейфующего в темных волнах бескрайнего океана».

Хотелось рыдать. Это было даже нужно, чтоб выгнать из себя тяжелые мысли, но никак не получалось. Механизмы, толкающие токсичную массу, не поддавались движению, будто заржавели. Вывеска «Tea» на горизонте возродила надежду. Я представил, как пью горячий чай с печеньем или сладостями, так популярными в Индии. Но, оказалось, его там не пьют, а продают сухим. С матерными словами и причитаниями я провалился в прострацию. Купил незрелые бананы на углу и двинулся куда-то дальше. В наушниках играл трек «Sandalee» – Velmurugan, Mahalingan. Я шел куда-то вперед, испытывая голод, холод и уныние.

Внутренний голос с сарказмом произнес: «Ну что, нравится Джайпур? Ты же так сюда хотел. Мы уже пятый день не можем нормально поесть. Оглянись вокруг: что-то этот город не выглядит таким радужным, как на картинках в Интернете. Посмотри, как местная шпана

пристально и подозрительно за тобой наблюдает. Еще не хватало, чтоб здесь нам проломили голову».

22:20. Чайная

Возле дороги под небольшим навесом собиралась молодежь. Это была чайная. Она представляла собой небольшое, открытое, естественно, грязное пространство с несколькими железными лавочками и пластмассовыми стульями. В углу стоял хмурый мужчина с черной, прилизанной гелем шевелюрой и варил чай масала в большом ведре.

Чай в Индии пьют из очень маленьких стаканчиков, миллилитров по тридцать. «Да у нас в стране водку пьют из большей тары», – подумал я про себя, не произнося ничего вслух, дабы не укреплять глупые стереотипы.

Через двадцать минут на табуретке, служившей мне столом, валялось восемь пустых стаканчиков. «Тоска, бар, пустые стаканы на столе...» в индийской версии. Каждый новый посетитель считал своим долгом со мной поздороваться и задать какой-то тривиальный вопрос вроде: «Кто ты по национальности?», «Откуда приехал в Джайпур?», «Не желаешь ли гашиш?» Добрый интерес вызывал радость, но в каждом мини-разговоре рано или поздно всплывали фотографии местных драгоценных камней, украшений и завуалированные предложения их купить – и я возвращался к реальности.

22:50. Номер хостела

Соседние кровати просторной комнаты хостела пустовали. Я жил один. Ночь была темна, холодна и молчалива. Толстые стены отдавали подвальной сыростью, а отопление в индийских гостиницах отсутствовало. Большое окно закрывалось тканевой шторкой, через которую внутрь заползала промозглая ночь. Я нацепил всю свою одежду, укутал ноги курткой, укрылся пледом и лег.

Пришло сообщение от Лены:

– Как дела?

– Давай лучше завтра расскажу... – ответил я ей.

Мы договорились встретиться в Обезьяньей долине возле Храма Солнца в 7 утра. Я завел будильник и попытался уснуть.

«Мы в Джайпуре! Какое счастье», – издевательски произнес внутренний голос.

Подавленный и разбитый, я лежал на кровати, смотрел в темный заплесневелый потолок, жевал зеленый банан и вспоминал ту маленькую девочку, встретившуюся мне несколько часов назад. «Ну, по крайней мере меня здесь любят, а это дорогого стоит».

День 5

Еще не успел прозвенеть будильник, как я проснулся, а точнее подскочил от оглушительных возгласов громкоговорителей за окном. Мелодичный голос призывал к молитве в мечети неподалеку. Такой громкий, что казалось, она начинается прямо в моей комнате.

Часы показывали 06:00. «Обожаю Джайпур».

Луч утреннего солнца, пробивающийся сквозь щель меж тканью и окном, ложился на цветную помятую простынь. Синими от холода пальцами я сложил все свои пожитки в рюкзак и вышел в город, идя по направлению к Храму Солнца.

Снаружи уже расцветала жизнь: дети шли в школу, таща за спиной ранцы; женщины в цветастых оранжево-красных платках и позолоченных браслетах мели улицы пушистыми метлами; трудяги возили нагруженные повозки; старики нежились на солнце, сидя на порож-

ках лиловых и пурпурных домов. Волшебный свет придавал яркости и разукрашивал мотивы Джайпура, преображая все вокруг. Город с рассветом стал привлекательнее, сияя розовыми оттенками.

Я заметил, что индийские города сильно отличаются в светлое и темное время. Ночью они мрачные и даже страшные, а днем – цветные и аутентичные. Я только восторженно смотрел по сторонам и щелкал затвором фотоаппарата. Настроение сразу улучшилось, правда, есть по-прежнему хотелось.

Брусчатая дорога вела к Храму Солнца, забираясь высоко в гору. «Смотри, все едят: обезьяны, коровы, собаки. Еще так смотрят, словно дразнят. Только мы не едим в Джайпуре. Зато наслаждаемся прекрасными видами. Художник же должен быть голодным, да?» – причитал мой внутренний голос. Я молчал.

На вершине мы встретились с Леной и ее индийским другом, которого звали Рахулом. Лбы их были украшены желтыми точками. Лена представила меня как писателя. Рахул одобритительно закивал и с интересом начал расспрашивать, о чем я пишу. Я даже немного растерялся: никто меня еще не называл писателем, начал что-то нудно рассказывать о путешествиях и моих заметках.

Рахул оказался приветливым и образованным парнем. Он также работал горным гидом и поднимался на самые высокие вершины континента (даже побывал на Эвересте и Эльбрусе). Я поведал о своем путешествии к Эльбрусу, вспомнил хычины с сыром. Живот мой отреагировал протяжным тоскливым урчанием.

– Пойдемте! – сказал Рахул и повел нас к знаменитому Обезьяньему храму.

Он рассказывал истории, а я фотографировал местных старцев, встречавшихся нам вплоть до самого храма. Разнообразие колоритных личностей поражало: то босой умиротворенный буддист, то пастух, то задумчивый сикх с пронзительным мудрым взглядом, то старец с магическими шоколадными глазами, кромка радужки которых сияла цветом дневного неба, попадали в фокус моего объектива.

– Здесь можно выпить чаю с печеньем, хотите? – предложил Рахул.

«Да!» – прокричал мой внутренний голос раньше меня и Лены.

Обезьяний храм

Суровый индус с платком, намотанным на тучное тело, и с разукрашенным лбом презрительно пронзал меня взглядом. Рахул заранее предупредил, чтобы мы не давали местным деньги, с чем явно не был согласен этот мужчина.

В мутной зеленоватой воде священного озера плавали разноцветные сухие цветы. Индусы омывали ноги и лица, поджигали палочки благовоний и прикладывали ладони к стенам храма. Величественные обезьяны наблюдали за процессиями с высоты каменных стен.

Лена ходила медленно, дышала глубоко, аккуратно касалась стен, пропуская через себя энергетику места. Рахул рассказывал легенды, а я смотрел на храм через прямоугольное окошко фотоаппарата, замораживая моменты в памяти.

– Это потрясающее место. Здесь хочется молчать, – сказала Лена, когда мы вышли из храма.

И мы шли молча. Каждый обдумывал что-то свое где-то внутри. И лишь выйдя за ворота на оживленную улицу, перешли к обсуждению увиденного. В основном, конечно, мы с Леной. Рахул был местным и видел этот храм множество раз.

– Хорошо, а теперь поедem к следующей достопримечательности, – сказал Рахул, наблюдая довольным взглядом за нашими восторженными эмоциями.

13:40

Рикшу, в которой я сидел, мотыляло и бросало из стороны в сторону на кочках. Водитель мчался по дороге, постоянно сигналил и орал на других водителей, периодически прямо во время движения поворачиваясь ко мне и улыбаясь, поднимал вверх большой палец.

Рахул с Леной уехали на другом рикше. Мы договорились встретиться у Дворца Ветров – жемчужины Раджастана и главной достопримечательности Джайпура, ради которой многие туристы приезжают в этот город.

На финише таксист назвал другую сумму. Я поправил его и напомнил ту, о которой мы договаривались заранее.

– Ах да, я просто забыл, брат мой, – отвечал мне он, улыбаясь.

Мы решили не заходить внутрь Дворца Ветров, ведь все самое увлекательное снаружи, поэтому заняли место в кафе напротив. Идея, обедать на открытой террасе с видом на невероятный Дворец со множеством искусно вылепленных окошек представлялось, мне очень понравилась.

В заведении даже имелась неострая еда (правда, кафе тоже оказалось вегетарианским). «Твою мать! Я когда-нибудь в Индии нормально поем?» – прокричал я в душе, вслух сказав официанту лишь: «Хорошо, спасибо, тогда только кофе». Лена все поняла по моим глазам и звонко засмеялась. Рахул, не понимая, но за компанию, улыбнулся.

Нужно было что-то предпринимать, тогда Рахул пошел с козырей и привез нас в элитный ресторан. Внутри царил приятная прохлада, официанты в рубашках с бабочками носили блюда в перчатках и ставили их на столы с белоснежными скатертями. На резных стульях сидели пожилые европейцы аристократической внешности.

Я растянулся на бежевом диване под охлаждающим потоком кондиционера и наконец поел в меру острой пищи. Все вмиг заиграло новыми красками. Мир снова стал привлекательным. На радостях я забронировал новый хостел.

Мы попрощались с Рахулом, прыгнули с Леной в рикшу и поехали заселять меня в новое жилище.

Я часто переписываюсь с Рахулом в «Инстаграме». Он помогал мне с информацией (корректировал названия), которая вызывала у меня вопросы при написании этой истории. За что ему большое спасибо.

Окна в новом хостеле были застекленными, причем все, что уже выгодно выделяло его на фоне прежнего. Вдобавок там имелись теплые одеяла и душ с горячей водой. Казалось, скупая слеза вот-вот появится в уголке моего правого глаза от сантиментов, когда я делился с Леной впечатлениями, сидя на диване ресепшена.

– Знаешь, чего я сейчас хочу? – спросила Лена.

– Что?

– Найти какое-нибудь спокойное место с красивым видом на город. И вот там встретить закат и помедитировать.

– Помнишь ту панораму Храма, на вершине горы, где мы были утром?

– Да, точно! – восторженно произнесла Лена.

На подходе к подъему местные парни действительно предлагали нам сопровождение (естественно, за деньги), что-то говоря про опасность. Но мы уверенно отказывались от их услуг, ощущая себя опытными путешественниками.

Брусчатая дорога уходила вверх. Шагая по ней, я смотрел по сторонам, обезьян заметно прибавилось в отличие от утра. Казалось, они были везде и всюду. И, что самое неприятное, они следовали за нами, сопровождая дикими взглядами каждый шаг.

Я шел, оглядываясь с некоторым напряжением. Лена же пребывала в веселом расположении духа и говорила, что хочет скорее прийти на смотровую площадку, сесть в тишине и помедитировать на закате. Уже не вслушиваясь в ее слова, я молча кивал и все чаще посматривал по сторонам. Медленно и верно обезьяны сужали кольцо вокруг нас. Сама волшебная площадка кишела голодными приматами разных возрастов и размеров. «Видимо, не только Лена любит медитировать на закате», – подумал я.

Она быстро нашла место, уверенно села и погрузилась в медитацию. Оставив ее наедине с собой, я подошел к обрыву и увидел картину, от которой захватывало дух: огромный розовый Джайпур предстал передо мной в лучах мягкого света. Небо начинало окрашиваться теплыми красками предстоящего заката. Круглые антенны отбрасывали длинные тени на пологие крыши. Дул теплый ветер, играя в волосах. Я вдохнул полной грудью, развел в стороны руки и закрыл глаза. Легкая приятная дрожь пробежала по всему телу. В такие моменты ты будто чувствуешь глубину мира, и в ушах начинает играть медитативная мелодия Вселенной – блаженство.

Вдруг позади меня раздался писклявый крик, похожий на обезьяний.

Я открыл глаза и, поворачиваясь, прокричал Лене:

– Ого, Лен, слышала, как обезьяна заорала?

Но когда я повернулся, увидел, как растрепанная Лена отбивается от обезьян, выдирая из цепких волосатых лап свой рюкзак.

«Оказывается, это был не обезьяний крик», – пронеслось в моей голове.

Я подбежал к ней. Тут же подоспело несколько молодых индусов, и мы вместе разогнали обезьян. Животные, враждебно скалясь и шипя, отступили всего на несколько метров и застыли, все так же наблюдая со стороны.

– Ну что, помедитировала? – спросил я Лену.

– Ага, – все еще испуганно озираясь, сказала она.

– Пойдем?

– Пойдем!

– А как же закат? – подшучивал я.

– Да фиг с ним.

Только выйдя за ворота, мы смогли расслабиться и перестать озираться по сторонам.

– Я тут знаю одно местечко, там готовят вкусный чай. Пойдем туда? – предложил я.

– Пойдем. В любой непонятной ситуации пей масала-чай! – произнесла Лена.

Мы пришли в знакомую чайную. Бариста мне улыбнулся и покачал головой в знак приветствия. (В Индии привычные нам кивания выглядят как покачивания головы из стороны в сторону по принципу метронома).

В заведении были исключительно представители мужского пола местной наружности, поэтому нас разглядывали с большим любопытством, особенно Лену.

– Четыре чая, – сказал я, зная местные размеры порций.

Мы, уставшие, немного разочарованные, оставшиеся без заката, зато целые, присели на лавку. Принесли стаканчики. Сладкий молочный чай с ярким вкусом имбиря и индийских специй поднял настроение. Скорее всего, такой эффект был из-за большого количества глюкозы, которая питала мозг, но индусы и романтические путешественники утверждали, что масала обладает магическими свойствами.

Этот чай варится с молоком, в него добавляют сахар, имбирь и специи. Напиток получается бодрящим и пряным, имеет яркий насыщенный вкус сладости и легкой имбирной остроты. Масала-чай пьют в Индии повсеместно. В любом переулке на плите или костре можно найти засмоленный чайник с чудо-напитком.

Когда я пил его в первый раз, он мне не понравился, но для масала-чая нужно время и усидчивость. Позже я распробовал его и втянулся. С тех пор ни один день в Индии не проходил

без этого удивительного чая. Его сладкий пряный вкус символизирует саму Индию. Такой же насыщенный, глубокий и неповторимо привлекательный.

Лена что-то искала в телефоне, а я пил чай, смотрел в пустоту перед собой и улыбался. Мне было хорошо и как-то даже тепло внутри, или от того, что я не один, или от горячего национального напитка.

Приятная усталость обнимала тело и, расплзаясь, расслабила руки, ноги, голову. В полоске неба, меж навесом и пологими крышами домов, тянулся розовый закат, в котором плавали воздушные змеи. Мгновения, которые хотелось ощущать всем нутром и растянуть как можно дольше.

– А какие у тебя планы? – сказала Лена, закончив с делами.

– Сегодня? – уточнил я у нее, возвращаясь из своего блаженного состояния.

– Вообще.

– Да никаких.

– Поехали завтра в Пушкар? Давно хотела туда съездить. Это небольшой красивый городок в четырех часах езды отсюда.

Приятное состояние внутреннего тепла, ощущаемое в данный момент, хотелось продлить еще дольше, так что я согласился без промедления.

Мы договорились встретиться утром в намеченном месте, и Лена уехала. А я остался сидеть на лавке и заказал еще чай.

Ночь стелилась над городом, зажигая огни в окнах домов и фонари в чайной. Люди на соседних лавках сменяли друг друга, молодой человек в углу наполнял бумажные стаканчики пряным чаем; сигаретный дым, кружа под крышей, утекал наружу, растворяясь в черной бездне ночного неба.

20:10

Под навесом появился белокожий человек и сразу, признав во мне родственную душу европейской внешности, присел рядом. Внимание всей чайной теперь переключилось на него (ко мне уже привыкли).

На вид ему было около пятидесяти лет. Веселый взрослый мужчина с кудрявыми седеющими волосами, морщинистым лицом и открытой белозубой улыбкой, так свойственной европейцам.

После пары стаканчиков масала-чая мы разговорились. Жил он в Голландии и работал детским врачом. Мы сразу нашли общие темы и пожаловались друг другу на отсутствие европейских кафе, магазинов и неострой еды. «Понимаю тебя», – кивал он, улыбаясь. Я поведал о своих планах, что собираюсь путешествовать по Индии до конца срока визы. А он собирался улететь на Мальдивы.

«А поменяться можно?» – спросил мой внутренний голос.

Спустя полчаса оживленного разговора я наконец спросил его имя. Он невнятно представился.

– Animal? – переспросил я.

– Oh, no! – воскликнул он.

Я тут же вспомнил перевод. Осознал. Извинился. Захотелось прикрыть лицо ладонью. Мы засмеялись (его звали Германом), тяжело вздохнули в унисон и замолчали. Затем он ожил и сказал, что знает, где можно купить хотя бы что-то из еды.

Заветная цель незримой путеводной звездой вела нас по темному городу. Герман передвигался быстро, на ходу припоминая путь. Мы шли по ухабистым тропам, сквозь узенькие переулки и вскоре прибыли к кухне под открытым небом. Чумазый мужчина пек лепешки на огромной жаровне. Рядом сидели уставшие трудяги и жевали арахис в ожидании ароматного

хлеба. Продавец даже растерялся, называя нам цену, и наверняка ее немного завысил. Но это оказалось все равно дешевле, чем в любых других местах, где я ел ранее. Свежеприготовленные хлебные лепешки, завернутые в газетные листы, пленительно благоухали. Румяные корочки похрустывали на зубах, ароматная хлебная мякоть буквально таяла во рту. Кажется, ничего вкуснее я не ел.

Лучше всего объединяют людей яркие мгновения, пережитые совместно. Конечно, радостные моменты приятны и привлекательны, но именно невзгоды и тяготы, а главное, совместное их преодоление сильнее сближают.

Когда мы прощались с Германом, он сказал:

– Встретимся в каком-нибудь из городов Индии.

Я лишь улыбнулся ему в ответ, мысленно пожелал хорошей дороги и интересного окружения на жизненном пути.

Огромное количество людей проходит через нашу жизнь, оставляя в ней свою неповторимую частичку.

День 6

Ранним утром, в тот час, когда солнце ласкает алым светом крыши домов, листву деревьев, плечи местных жителей, мы встретились с Леной на неприметной автостанции под мостом, откуда отходили автобусы в Пушкар. Купили билеты и принялись ожидать отправления. Остывшая за ночь земля медленно прогревалась, но в тени еще ощущалось ее холодное дыхание.

Ландшафт равномерно был устелен мусором и бумажными обертками. Все действие сопровождалось специфическими запахами индийской культуры – типичная картина пейзажа под мостом в окраине любого провинциального города. Но надо отметить, что такие особенности быта не вызывали во мне отвращения или отторжения, а наоборот, пробуждали романтический трепет.

Есть хотелось зверски, и я готов был абсолютно на все. Собственноручно и без страха я купил острой еды в засмоленной повозке неподалеку: редьку с картошкой в томатном соусе и несколько роти. А в соседнем вагончике заказал масала-чай.

Мы сели с Леной на железные табуретки за кривой липкий стол завтракать в компании индийских людей в грязной оборванной одежде. Они приветствовали нас одобрительными улыбками, будто ощущая единение и радость оттого, что мы не побрезговали и сели трапезничать вместе с ними на равных.

Вскоре прибыл старый скрипучий автобус, оповестив всех оглушительным сигналом. Загрузив пассажиров, закрыл ржавую дверь и повез нас в небольшой и неизвестный мне городок под названием Пушкар, которому суждено будет стать моим любимым городом Индии.

IV. Пушкар

Идеальное место

Когда я открыл глаза, часы показывали 10:40. Рядом сидела Лена и читала книгу, солнце золотом освещало прядь ее волос. Справа женщина в ярко-желтом сари убаюкивала младенца, напевая колыбельную на хинди. Водитель непрерывно сигналил и на кого-то яростно кричал. В начале салона, спиной к кабине, на бурых мешках сидела старая бабушка в синем платке и с золотой цепочкой, тянущейся от носа к уху. Ее смуглое лицо, исчерченное морщинами, было неподвижно, а большие мудрые глаза цвета каштана пристально следили за моими движениями. Лучи, врывающиеся внутрь сквозь щели меж занавесок, чертили вытянутые прямоугольники света, играли солнечными зайчиками, отражаясь от блестящих женских украшений.

Водитель повернул автобус – и за окном появилась гладь озера, отражавшая синеву неба и волшебный блеск яркого солнца. По зеркальной поверхности воды плавно и грациозно двигались белые цапли. Что-то мистическое и завораживающее присутствовало в этом пейзаже, в автобусе, в моменте.

Мы проезжали город Аджмер и приближались к Пушкару.

– Пушкар! Пушкар! – прокричал водитель и открыл скрипучую дверь автобуса.

Мы вышли на остановке у трассы. Рядом сразу же возникли крикливые таксисты и любопытные дети, немного в отдалении невозмутимо стоял ленивый верблюд, медленно приблизилась «священная» корова. Рикши хотели денег, верблюд безразлично что-то жевал, остальные просили еды.

Таксистов мы сразу отпугнули суровыми невозмутимыми взглядами, но справиться с остальными оказалось не так-то легко. Стоило мне посмотреть в детские лица и в их огромные живые глаза, как я сразу поплыл и тут же отдал им бананы с апельсинами, которые ранее хотел сохранить до обеда. Дети вмиг расхватили фрукты, чуть не оторвав мне руки. Я нашел в рюкзаке остатки раздавленных вафель, привезенных еще из России, и тоже протянул им. За доли секунды они опустошили пакет, жадно собрав даже крошки. Сердце мое сжалось. Дети были чумазые, растрепанные и явно голодные, но на лицах сияли широкие улыбки, искрящиеся, настоящие, непосредственные. Позже они выкрикивали слова благодарности, махали руками, охотно позировали на камеру и смотрели своими большими гипнотизирующими глазами сквозь стекла объектива, казалось, прямо в душу. В этих глазах жила сама Индия. Загадочная, глубокая, пленительная, непостижимая.

Один маленький мальчик пробирался вперед, поближе ко мне, и с любопытством заглядывал в камеру, прося его сфотографировать. «Посмотри на меня, я здесь. Услышь меня, заметь меня», – твердили его глаза. Внутри что-то кольнуло. Тонким и холодным острием.

Пушкар успокаивал и располагал к себе умиротворенной атмосферой, красочными нарядами местных жителей и беззаботными улыбками прохожих.

Яркое солнце щедро заливало город светом. Сочетание белесых зданий с зеркальной голубизной озера и глубокой синевой неба придавало ему легкости и воздушности. Пушкар обладал притягательным шармом, какой имеют морские городки. Я сразу понял, что это непросто город. Почувствовал приятной вибрацией где-то внутри. Жизнь здесь протекала совсем иначе – неспешно и нешумно, что после Дели казалось даже неприличным.

«А это вообще Индия?» – спросил мой внутренний голос.

Было тепло и спокойно. Никаких машин с сигналами, никаких тревог и суеты. Уже с первого взгляда Лене понравился Пушкар, а мне он показался идеальным индийским городом.

– У вас есть неострая еда? – спросил я в кафе у официанта в синей грязной майке, из-под которой выглядывал смуглый пузатый живот.

– Конечно, – ответил он и достал потрепанный блокнот из кармана.

Я расплылся в улыбке и сказал Лене:

– Неужели я нормально поем?!

Она засмеялась.

– А что у вас есть из курицы? – обратился я к официанту.

– Ничего! У нас вегетарианское кафе!

«Твою мать», – выругался я про себя.

– Хорошо, а где здесь можно поесть мяса?

– В другом городе! Здесь все кафе вегетарианские! В Пушкаре нельзя есть мясо! Это священный город, – как будто оскорбленно ответил он.

«Ну, не бывает, чтобы все было идеальным».

– Хорошо, тогда, пожалуйста, картофельные котлеты и банановый ласси.

– Ок, сэр, – ответил он, сделал запись в блокноте и вновь заулыбался.

Лена, посмотрев на выражение моего лица, захихикала. Так еще на несколько дней я стал вегетарианцем.

Мы заселились в номер отеля с умиротворенным названием «Little Tibet» и начали жить спокойной, размеренной жизнью. В тесной комнатке был небольшой столик, плетеное кресло, двуспальная кровать – и все. Обшарпанные стены были выкрашены в бледно-зеленый цвет, в углах валились куски старой краски и штукатурки. Под заплесневелым потолком висела огромная люстра с вентилятором. Солнечный свет, скользя по длинным листьям банановых пальм, проникал через большое окно внутрь и, отражаясь от зеленых стен, окрашивал свет в экзотические оттенки. Шум городской улицы не добирался до отеля, бережно укрытого деревьями и зеленью. Лишь шепот колыхающихся на теплом ветру листьев и отдаленные крики петухов доносились до внутреннего пространства комнаты. На крыше была открытая терраса с ржавыми лежаками и антеннами. Панорамный вид, открывающийся оттуда на небольшой уютный город, восхищал. С той минуты, как мы вышли из автобуса в Пушкаре, время словно замедлило свой бег, приглушая звуки. Мы вышли на крышу осмотреться, но как бы случайно задержались, застыли и, не желая спугнуть момент, просто молча смотрели вдаль.

Вдруг Лена воскликнула:

– Обезьяна!

– Где?

– Вон там! – указала пальцем куда-то Лена. – Только что была там, но побежала вниз.

– Они все же пришли за тобой! – подшутил я.

– Смотри, она спустилась по перилам и направилась в сторону нашего номера.

– Скорее бежим. Она явно хочет залезть к тебе в сумку, достать паспорт и съесть страничку с индийской визой, – сказал я, улыбаясь.

– Конечно, мой паспорт самый вкусный.

– Именно поэтому я за свой не переживаю.

– Да, тебе не о чем беспокоиться.

– Похоже, у тебя появился пунктик на обезьян после вчерашнего заката в Джайпуре.

– Похоже, – ответила Лена и улыбнулась. На щеках ее появились забавные ямочки.

В кафе, которое мы увидели с крыши отеля, готовили великолепный кофе – то, что нужно в этот спокойный вечер. С балкончика хорошо и увлекательно было наблюдать за жизнью города. На губах застыл приятный, чуть горьковатый вкус кофе. Птицы стаями кружили над озером, перебираясь с одного пирса на другой. Солнце приближалось к горным вершинам на горизонте. Мы погрузились в блаженное молчание, когда в воздухе между людьми нет напряжения или неловкости, а лишь спокойствие. Легко, свободно, органично.

Я достал фотоаппарат и увидел Лену в видоискателе. Она идеально вписывалась в общий колорит и пейзаж. Ветерок играл ее длинными темно-русыми волосами. Лицо было усыпано веснушками, а верхнюю губу украшала родинка – маленькая изящная точка. На переносице красовался недлинный шрамик, а голубые глаза сливались с цветом ясного неба. У Лены были необычные, немного удлиненные мочки ушей. Когда-то где-то я вычитал, что это один из признаков гениальности, и при разговорах с Леной всегда держал это утверждение в уме. Она, задумчивая и молчаливая, уложив голову на руку, мечтательно смотрела вдаль. Щелчок затвора – и время на мгновение остановилось, сохранив этот миг в памяти фотоаппарата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.